

3. Иванов В.В. Хеттский язык. М., 1965.
4. Aikhenvald A.Yu. The Structure of Phonetic Word and Sentence Prosody in Biblical Hebrew. - Proceedings of XI ICPHS. Tallinn, 1987.
5. Aikhenvald A.Yu. Clitics: Their Phonology, Morphology and Syntax. - Proceedings of the IV Meeting of Phonologists, Krems, Austria. Krems, 1988.
6. Aikhenvald A.Yu. On Accent in Berber. - Journal of Afroasiatic Languages (to appear).
7. Borer H. Parametric Syntax. Case Studies in Semitic and Romance Languages. Dordrecht, 1983.
8. Brian J.D. Pronominal Affixes in Modern Greek: the Case against Clisis. - Papers from the 24th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1988.
9. Buzark V. The study of clitics in Functional Grammar. - Getting one's words into line. Functional Grammar series; 5. Dordrecht, 1987.
10. Klavans J. The Independence of Syntax and Phonology in Cliticization. - Language, 1985, vol.61.
11. Nevis J. A non-endoclititic in Estonian. - Lingua, 1984, vol.64.
12. Wackernagel J. Ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung. - Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1899, Bd.53.
13. Zwicky A. On Clitics. Bloomington, 1977.
14. Zwicky A. Clitics and Particles. - Language, 1985, vol.61.

М.И.Воронцова, Е.В.Рахилина

ПРЕДМЕТНЫЕ ИМЕНА И ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Один из наиболее очевидных аспектов несопоставимости языков - это несопоставимость их лексики. Эта проблема хорошо известна как проблема различий в членении мира: каждый язык предлагает свою "сетку" членения действительности, вообще говоря, не совпадающую с "сеткой" другого языка. Од-

нако необходимость так или иначе членить "недискретную" действительность, чтобы сопоставить какому-то ее фрагменту дискретную лексическую единицу, возникает прежде всего в той языковой зоне, которая включает непредметную, т.е. предикатную лексику. Что же касается предметной лексики, то тут легко выделить такие области, в которых членение мира задано a priori и не зависит от языка. Действительность уже "расчленена" на конкретные предметы - вот холодильник, вот пишущая машинка, вот скрепка, - и языку остается только выбрать имя для данного предмета. Конечно, и здесь могут возникнуть проблемы членения или, напротив, неразличения каких-то предметов в зависимости от языка, и все-таки, для двух языков найдется некоторая зона, в которой пары предметных имен будут, так сказать, денотативно тождественны. Наш тезис состоит в том, что даже в этой зоне предметной лексики словари будут несопоставимы.

Для того, чтобы понять, почему это может произойти, необходимо представить, какого рода семантическая информация входит в толкование предметного имени естественного языка.

Известно, что решение этой задачи представляет довольно большие трудности, и прежде всего потому, что для предметного имени неясно, как получить тот языковой материал (в /I/ это называется linguistic evidence), который бы указывал, какую семантическую информацию о предметном имени необходимо записывать в словарь. А.Вежицкая, например, предлагает считать необходимой информацию о такой части денотата предметного имени, для которой в языке есть специальное слово. Хобот - специальное слово для носа слона, чешуя - специальное слово для рыбьей кожи, значит, и сведения о хоботе, и сведения о чешуе - по А.Вежицкой - информация словарная. Точно так же, если есть специальный глагол, описывающий, скажем, типичные звуки, издаваемые животным, - мяукать, лаять и под. - это тоже, по А.Вежицкой, тот языковой материал (linguistic evidence), который заставляет соответствующую информацию о предметном имени (в данном случае - кошка или собака) записывать в словарь¹.

Представляется, что в том же ряду linguistic evidence лежит известный признак базальности, полученный при иссле-

довании употреблений предлогов перед и за в /2/. По этому признаку предметы делятся на те, у которых есть фасад (тогда наличие фасада определяет интерпретацию сочетаний типа перед X/за X: 'со стороны фасада X'/ со стороны, противоположной стороне фасада X') и те, у которых нет фасада (тогда интерпретация сочетаний перед X / за X определяется не X-ом, а местоположением говорящего: луг перед озером = 'луг между говорящим и озером'). Итак, лингвистическим материалом в смысле Вежицкой может являться предложный контекст; он выявляет необходимую лексикографическую информацию - например, признак фасадности, и, конечно, не только этот признак.

Мы исследовали русские предметные имена в контексте разных предлогов, и оказалось, что предложные контексты могут дать достаточно богатый материал о предметных именах. Ниже речь пойдет о предлоге из₁: в конструкциях X из Y, где X и Y - предметные имена, этот предлог вводит Y как материал изготовления X².

Выясняется, что, во-первых, предлог из₁ чувствителен к виду материала: он различает стандартный и нестандартный материал изготовления X. Из₁ вводит в качестве Y-а только нестандартный, необычный для X материал, в противном случае сочетание X из₁ Y малоприемлемо, ср. ? дверь из дерева, но: ! дверь из хромированного железа; ? зеркало из стекла - ! зеркало из фольги; ? конфета из шоколада - ! конфета из пластилина; * книга из бумаги - ! книга из пальмовых листьев³. Отсюда, вообще говоря, следует, что в лексикографическом описании предметного имени стандартный материал изготовления предмета (если он есть) должен оговариваться. Далее, если в процессе изготовления X используется сразу несколько материалов, они могут различаться как конституирующие и неконституирующие, ср. салат из крабов (крабы - конституирующий материал салата), салат с майонезом (майонез - неконституирующий материал, ср. * салат из майонеза), ср. также компот из сухофруктов - компот с черносливом. Из₁ вводит только конституирующий материал; носителю языка заранее известно, что, например, по отношению к каше молоко не является конституирующим материалом, равно как сахар или соль (ср. * каша из молока, из сахара), а крупа, наоборот, является (каша из перловки).

Примечание. Когда мы говорим о материале изготовления, мы обычно имеем в виду последний (очень редко – близкий к последнему) материал изготовления – тот материал, из которого непосредственно изготовлен предмет, ср. *торт из зерна (! из слоеного теста), *обои из строительной древесины (! из клеенки) и т.д.

X может состоять из нескольких частей разного материала. В этом случае из₁, выделяя главный (конституирующий) материал изготовления, выделяет главную часть. Ср. окно из бычьего пузыря, слидн, пуленепробиваемого стекла, но: *из дерева; стулья из мореного дуба (*из кожи); балалайка из ясеня (*капрона, конского волоса); серьги из золота, серебра (*из рубина). Из₁ обнаруживает своеобразную иерархию частей, составляющих предмет: главная часть окна – не рама, а стекло, в серьгах главная часть – не камень, а в балалайке – не струны и т.д. Такая иерархия должна, по-видимому, отражаться в структуре толкования, приписываемого предметному имени (грубо говоря, балалайка должна толковаться не как 'струны, натянутые на кусок дерева', а как 'кусок дерева, на который натянуты струны'). Заметим, что, с точки зрения языка, не всякий предмет, имеющий составные части, имеет их однозначную иерархию. Например, очки состоят из оправы и стекол, не имеющих предпочтения друг перед другом, ср. ?очки из розовой пластмассы, ?очки из цейсовских стекол. С другой стороны, если такая иерархия есть, то она обнаруживается именно в предложной конструкции, а не, например, в адъективной – прилагательному безразлична иерархическая структура имени, ср. равно приемлемы бриллиантовые серьги и золотые серьги, роговые очки и темные очки.

Итак, есть способ получить некоторый языковой материал для описания предметных имен – как результат исследования предложных конструкций. Остается понять, какого рода информацию о предметных именах этот материал представляет. Когда А. Вежицкая говорила о лексикографическом описании предметного имени, она хорошо представляла, что оно не совпадает с последовательным описанием всех характеристик соответствующего денотата. Описание Вежицкой различает, например, существенные и несущественные характеристики. Скажем, если бы по такому описанию машина как-то воспроизводила соответствующий предмет – например, рисовала его –

то заведомо ясно, что получился бы не совсем слон, потому что не вся информация о слоне была включена в описание как существенная. По предварительным результатам нашего исследования можно сделать даже более сильное утверждение: информация может быть не только не вся, но и — по отношению к данному конкретному денотату — другая. Иными словами, то, что мы называем лексикографическим описанием, есть описание не денотата, не самого предмета, а того его образа, который есть в языке (его можно было бы назвать прототипом, если вкладывать в это понятие не только философский, но и конкретно-лингвистический смысл). В качестве примера возьмем сочетание предметных имен с предлогами на и под. Известно, что интерпретация X на Y и X под Y в самых простых случаях (а о них только и пойдет речь) предполагает наличие у Y поверхности — X на Y предполагает верхнюю поверхность, X под Y — нижнюю (ср. на столе — под столом). Если такой поверхности нет, то интерпретация сочетаний с под другая, ср. сад под окном, враг под стенами города — ни у окна, ни у стен города нижней поверхности нет, такого рода сочетания интерпретируются (очень грубо) как 'внизу рядом с X-ом'. Если взять имя забор, то окажется, что мы должны предполагать у него верхнюю поверхность, но не нижнюю: на заборе можно сидеть, даже лежать, но когда речь заходит о том, что происходит под забором, то это понимается только как внизу рядом (Пускай я умру под забором как пес... — не понимается как то, что человек или пес находятся под нижней поверхностью забора). Более того, если представить себе забор, у которого есть нижняя поверхность (а такие заборы, кажется, встречаются довольно часто), то смысл 'находиться под нижней поверхностью' с помощью предлога под в русском языке не выражают — в языке забор совсем другой.

Ясно, что и информация о фасаде, и информация об иерархии частей — того же порядка, она имеет отношение к языковому образу предмета, специфическому для каждого конкретного языка. Степень сложности задачи по сопоставлению языковых образов одного и того же предмета в разных языках очевидна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Словарная статья о кошке или собаке будет, таким образом, отличаться от словарной статьи о зайце, в которой, следовательно, не должно сообщаться, что заяц издает звуки.

² Ср. предлог из₂, выступающий в качестве варианта предлога с₂ (со) - из леса, с реки, из кастрюли, со стола.

³ Поэтому объяснима та легкость, с которой из₁ используется для выражения идеи дизайна (крайней степени нестандартности материала изготовления): кресло из старой бочки и под.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.
2. Апресян Ю.Д. Нетривиальные семантические признаки и правила выбора значений. - Восприятие языкового значения. Калининград, 1980.

А.Б.Копеллиович

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РОДООБРАЗУЮЩИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

Диахронно обращенный вопрос о смысле категории рода, несмотря на свою давность, не получил однозначного ответа и в сегодняшней лингвистике, как, впрочем, не однозначен и самый вопрос с точки зрения той гносеологической установки, которую он в себе содержит. Традиционно направленность вопроса определялась опытом обращения с грамматическими категориями, имеющими номинативную подоплеку: число, одушевленность/неодушевленность, время и лицо глагола, модальность, определенность/неопределенность и т.п., - семантическая прозрачность которых вполне "оправдывает" и их наличие в языке, и соответственно их генезис.

Присоединить род к перечню категорий названного типа можно, либо допустив, что семантические основания, вызвавшие к жизни категорию рода, начисто забыты, либо возводя генезис рода к семантике пола и одушевленности/неодушевленности.